

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ДИНАМИКА ОБРАЗОВ СЕМЬИ, ДРУЖБЫ И РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПОКОЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУПП В СИБИРСКОМ МЕГАПОЛИСЕ)

Юрий Александрович Пустовойт (pustovoit1963@gmail.com),
Валентина Степановна Пель,
Сергей Михайлович Коба

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

Цитирование: Пустовойт А.Ю., Пель В.С., Коба С.М. (2022) Динамика образов семьи, дружбы и работы в контексте теории поколений (по материалам фокус-групп в сибирском мегаполисе). *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4): 113–139. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.5>

Аннотация. Какими видят свои будущие семьи, своих друзей и свою профессиональную деятельность родившиеся после 1982 г. россияне, обычно обозначаемые в рамках поколенческого подхода как миллениалы? Чем и в какой степени отличаются их взгляды от позиций более старших возрастных когорт? Как их идеалы и образцы поведения соотносятся с теми, которые выявлены западными исследователями у их зарубежных сверстников? В статье дан краткий обзор наиболее значимых современных теоретических подходов к изучению молодых поколений и результаты сравнительного анализа восьми фокус-групп, сформированных из представителей советских и постсоветских поколений сибирского мегаполиса. Исследование проведено с использованием количественного (анкетирование участников фокус-группы) и качественного (групповое интервью) методов. Анкета состояла из теста «Большая пятерка» (*Big five*), неоконченных предложений и социально-демографических данных участников. В ходе группового интервью в фокусе внимания были темы работы мечты, настоящей дружбы и хорошей семьи. Данные обрабатывались методами сопоставления результатов контрастных случаев на основе принципов «обоснованной теории». Результаты исследования показывают, что при достаточно высокой оценке значимости рассматриваемых институтов и отношений в своем проектируемом будущем ценностные критерии молодых людей и представителей старших поколений различны. На основе исследования можно предположить, что российские миллениалы и последующие поколения, как и их западные сверстники, скорее ориентированы на комплекс нерелигиозных ценностей и императивы самореализации.

Ключевые слова: поколения, теория поколений, миллениалы, ценности самореализации, семья, дружба, работа.

Новые россияне в новых условиях

Каждое поколение рисует свою картину мира, определяемую детскими переживаниями, родительскими установками, опытом общения со сверстниками, усвоением школьных и университетских курсов.

Часть поколения российских миллениалов родились еще в СССР, но все заканчивали школу уже в новой геополитической реальности, в момент становления новых политических и экономических институтов. Именно представители этого поколения в течение ближайших 10–15 лет займут ключевые и руководящие позиции в исполнительных, законодательных и судебных органах, фирмах и корпорациях, именно эта возрастная когорта чаще всего выдвигает организаторов и лидеров протеста. В этой работе мы сосредоточим внимание на некоторых важных вопросах, обычно не находящихся в фокусе внимания исследователей поколенческих характеристик, и их влиянии на социальные изменения. Полагаем, что эти проблемы имеют намного большее значение для понимания оснований выбора представителями новых поколений политической позиции и определения вариантов общественного и культурного развития, чем традиционные комплексы проблем, связанных с лидерством, идеологией и государством. Какими видят молодые люди свои семьи? Способны ли они доверять не только близким? Что для них означает работа: долг, профессиональное призвание, средство заработать? В общем что такое для них и на их языке уметь любить, дружить и работать?

Кто они? Проблема поколений в работах исследователей США и России

Продуктивность, перспективность и теоретические ограничения анализа общественных изменений в оптике истории и смены поколений как весомую альтернативу классовому и цивилизационному подходу в современной российской науке предложил Т. Шанин (Шанин 2005: 7). Он же рассмотрел количественные (О. Конт) и качественные (К. Мангейм, М. Хайдеггер, Хосе Ортега-и-Гассет) подходы к выделению поколений и привел наиболее интересные, по его мнению, примеры анализа российских реалий в этой перспективе (Ю. Лотман). В его статье рассмотрены наиболее часто используемые исследователями критерии границ поколения: возрастные рамки, единые верования, ощущение причастности к своей возрастной когорте. Формирование поколенческих характеристик зависит от полученного образования, состояния институтов и выбора личных жизненных стратегий в момент юношеской социализации (18–25 лет), границы когорты обычно определяются 20 годами. Шанин под-

черкивает, что, хотя поколенческая история не дает исчерпывающих объяснений, без учета влияния поколений нельзя понять многое из происходящего (Шанин 2005: 11).

Анализ исследований показывает несколько серьезных отличий поколения миллениалов от предыдущих возрастных когорт, обусловленных комплексом послевоенных мировых тенденций, которые наиболее отчетливо проявились в странах Западного мира и оказали серьезное влияние на формирование социально-психологических характеристик молодежи:

- относительно благополучная экономическая и политическая ситуация;
- смена моделей воспитания детей, большее внимание к интересам и потребностям ребенка, стремление повысить его самооценку;
- расширение доступа к персональным компьютерам, сетевым формам общения и сообществам.

Первую совокупность факторов (послевоенный рост экономики в Западной Европе, Северной Америке, Японии и Австралии, мир, возникновение государства всеобщего благосостояния и пакетов социальных гарантий) американский ученый Р. Инглхарт обозначил понятием «экзистенциальная безопасность». На основе большого объема данных он предположил, что уровень авторитаризма в возрастной когорте определяется уровнем экзистенциальной безопасности, сопутствующим взрослению ровесников (Инглхарт 2020: 17).

В основе его выводов — данные, полученные в рамках проектов «Всемирное исследование ценностей» (WVS) и «Европейское исследование ценностей» (EVS). Исследования, проводившиеся с 1981 по 2014 г. более чем в 100 странах мира, охватили 90 % населения Земли. Итогом этой масштабной работы стали заключения о том, что социально-экономическое развитие напрямую влияет на чувство экзистенциальной безопасности и отсутствие угроз формирует в людях уверенность, дружелюбие и толерантность, при этом имеется влияние исторических особенностей («эффект колеи»), ценности общества определяются его историческим наследием.

Изменения происходят, когда младшие возрастные когорты взрослеют, приобретают политический вес и замещают старшие в политических институтах. Сопоставление степени важности семьи, работы, религии, дружбы, отдыха и политики в бедных и богатых странах, измеряемое через долю ответивших на вопрос «Что очень важно в жизни?», показывает, что в странах с низким доходом только семья и работа выше религии, в богатых — друзья и отдых. Дружба значима в бедных странах, с ростом доходов в стране ее значение снижается и опять возрастает в богатых странах. Самым интересным, на наш взгляд, являются изменения, проис-

ходящие в богатых странах по сравнению со странами с доходом выше среднего: здесь падает число считающих важным работу и религию и растет значение друзей и отдыха (Инглхарт 2020: 313–314).

Отдельно стоит остановиться на идеях американских исследователей Н. Хоу и У. Штрауса (Howe, Strauss 2000). На наш взгляд, им удалось зафиксировать серьезный психологический, социальный и культурный сдвиг у той возрастной когорты, представители которой родились после 1982 г. Основная идея Н. Хоу и У. Штрауса выражена фразой на одной из первых страниц: «Поколение миллениалов может стать лучшей новостью». Это поколение представлено более многочисленными, более богатыми, образованными и этнически разнообразными молодыми людьми с оптимистичным взглядом на мир и активной позицией в отношении его изменения. Авторы показывают, как изменились требования: и семья, и родительство из автоматического общественного выбора становятся глубоким личным заявлением, возникает множество вариантов семейной жизни, ролевых моделей отцов и матерей. Семья сохранила свою важность, количество времени, которое родители миллениалов проводят с ними, и объем родительского контроля существенно возросли. Миллениалы усердно работают над восстановлением сообщества, командной работы и гражданского духа в локальных сообществах, в сфере общественных работ, расы, гендерных отношений, политики и веры (Howe, Strauss 2000: 345). Укрепление семейных уз имеет еще одно проявление — это феномен «родителей-вертолетчиков», «парящих» над своим чадом, интересующихся его трудоустройством, условиями труда, вознаграждением и карьерными перспективами. Исследователи считают, что такие расширенные (включающие совершеннолетних детей) семьи не следует рассматривать как социальное отклонение. Такие отношения не являются признаками социальной незрелости, не вызваны личными дисфункциями, а, напротив, имеют преимущество, так как в условиях роста недоверия государственным учреждениям позволяют обеспечивать экономическую безопасность молодых семей и их стареющих родителей (Howe, Strauss 2007).

Джим Твенге так характеризует отношение к себе и другим: «Фокус поколения селфи на личных нуждах необязательно означает эгоцентризм или самоизоляция. Это скорее способ существования, подразумевающий соблюдение очень небольшого числа социальных норм и наличие непоколебимой веры в собственную значимость. Просто поколение селфи считает естественным, что все должны быть довольны собой, все люди разные и каждый имеет право следовать своим мечтам» (Твенге 2020: 39). При достаточно свободном отношении к сексу и отсутствию разговоров на эту тему с родителями они подчеркивают значимость брака и воспи-

тания детей (Твенге 2020: 137). Отношение к работе определяется принципом «работать для того, чтобы жить» и стремлением получать большие деньги за простую работу (Твенге 2020: 173). Работа имеет смысл, если они чувствуют, что от них что-то зависит и их вклад идет на пользу обществу (Твенге 2020: 180).

Если попытаться обобщить ведущие исследовательские тенденции, то общим в подходах западных ученых выступает выделение эмоциональной сферы с преобладанием в ней значения положительных эмоций. С одной стороны, эти состояния, вероятнее всего, сформированы как комплекс позитивных детских ощущений — сигналов, что мир безопасен. Усвоенные в начале жизни, они становились относительно стабильным элементом мировоззрения (Инглхарт 2020: 53). С другой стороны, это следствие воспитательных процессов, направленных на формирование более высокой самооценки и самовосприятия, а также на возможность оградить себя от людей и информации, их снижающих. «Толерантность», «терпимость», «доброта», «принятие» — такими словами обычно характеризуют эмоциональную сферу исследователи, добавляя к этому самолюбование, поверхностность контактов, нарциссизм, внутреннюю тревогу. В рациональной сфере, в принятии решений, судя по исследовательским материалам, преобладают прагматические, целерациональные критерии. Как уже неоднократно отмечалось, расширение возможностей и тревога по поводу ошибки усиливается и выбор идет по наиболее выгодной (максимум наград — минимум затрат) модели поведения. Отсюда логично вытекает стремление ни к чему и ни к кому не привязываться и тенденция к минимизации усилий, достижению точного баланса между затратами и наградами. Кроме того, любые успешные долговременные объединения (от неформальных групп до корпораций) подразумевают регулярную и адекватную обратную связь, которая порой сильно снижает завышенные ожидания, самолюбование и нарциссизм.

В российской социологии проблема взаимодействия поколений рассматривалась при исследовании молодежных проблем, а также непосредственно интересующих нас аспектов общественной жизни (семья, друзья, работа). Особенность российских работ — регулярное присутствие в фокусе исследовательского внимания влияния государственных институтов на социализацию молодежи. Например, И. Кон видит источник проблем в разрыве между официально прокламируемой системой религиозно-нравственных ценностей и реальным повседневным поведением молодых людей (Кон 2012: 63). Ю. Левада неоднократно подчеркивает влияние деструктивных, еще советских, политических институтов, в которых молодые прагматичные управленцы, ориентированные на успех и благо-

состояние, могут их достичь только при условии проявления безусловной лояльности к старшим, что и гарантирует воспроизводство авторитарного режима (Левада 2001: 13). Работы начала нулевых интересны тем, что в них в фокусе внимания — последнее советское поколение (те, кому 30–45 лет), приходящее на значимые позиции в аппарате управления. Поколение *next*, как его обозначил Л. Седов, устраивает существующее положение дел, оно готово поддерживать экономический и политический курс, придерживается суждений, которые могут выступать признаками моральной деградации и правового нигилизма (Седов 2000: 25). В середине нулевых в исследовательских проектах, направленных на изучение молодежи (по возрасту это уже поколение миллениалов), еще раз подчеркивается значимость государственно-национальной идентификация при самоопределении, претензии на привилегированный социальный статус вне индивидуальных достижений, выбор пассивно-адаптивных жизненных стратегий, поддержка авторитарных тенденций, утопические планы на будущее и собственное благополучие, позитивное и прагматичное отношение к Западу как источнику благ при ценностно нагруженных, полных скрытых эмоций и обид суждениях при обсуждении места России и Запада в мире (Гудков, Дубин, Зоркая 2011).

Общий тренд в семейных отношениях — либерализация норм и установок в отношении брака и семьи (Ростовская, Кучмаева 2020). В исследовании Института социологии РАН (Горшков, Петухов, Андреев) подчеркивается, что за десять лет сформировалось поколение, представители которого не особенно рассчитывают на власть и действуют в автономном режиме, имеют сходные установки на успех и достижение высокого профессионального и социального статуса, не зависящие от места жительства и социальной позиции, что свидетельствует о восприятии ими основных принципов рыночной экономики (Горшков, Шереги 2010; Горшков и др. 2007).

Отметим, что юношеская социализация поколения российских миллениалов проходила в условиях относительного благополучия, беспрецедентного роста цифровых технологий, интернет-сетей и авторитарных институтов. Исследователи фонда «Петербургская политика» находят у российских миллениалов как универсальные черты (визуализация, шеринг, отсутствие образа будущего, маркеров «свой — чужой», отказ от упорного труда, отождествление счастья и успеха, жажда самопризнания), так и специфически российские характеристики. Российские миллениалы имеют более низкие стартовые навыки по сравнению с американскими сверстниками, что, по мнению авторов доклада, превратит их скорее в жертв автоматизации, чем в ее бенефициаров (Фонд «Петербургская политика» 2017).

Исследование ценностей молодежи, проведенное группой под руководством М. Яницкого, содержит вывод о «мировозренческом разрыве» с предыдущим поколением, что выражается в приоритете ценностей самостоятельности и успеха над ценностью традиций, при этом подчеркивается различная скорость этих изменений в зависимости от особенностей социализации в социокультурной среде (Яницкий и др. 2019: 32). В последнем по времени опросе, проведенном группой исследователей (Лев Гудков, Наталья Зоркая, Екатерина Кочергина, Карина Пипия, Александра Рысева), сделан вывод о доминировании традиционных представлений о семье и романтических ожиданиях при выборе партнера, низком уровне доверия незнакомцам при высоком доверии друзьям и близким, профессиональных ориентациях, построенных на материальных критериях (высокая зарплата и стабильность) (Гудков и др. 2020). Результаты исследования жизненных позиций современной российской молодежи, проведенного коллективом Института социально-политических исследований РАН, показывают, что в основе активности и позитивной направленности большинства молодежи — удачное сочетание традиционных и современных элементов саморегуляции, что связано с мировоззренческими установками на доверие, чувствительность и коллективизм. В основе пассивной жизненной позиции — индивидуализм, размытая эмпатия и расчетливость (Зубок и др. 2021: 92). В целом результаты исследований подтверждают точку зрения Ю. Левады и показывают воспроизводство советского человека с его идеалами коллективного самопонимания, социального общежития, политической культуры (Дубин 2009: 105).

Исследование семейных историй, проведенное Е. Л. Омельченко и Ю. В. Андреевой, показывает, что, с одной стороны, молодежь находится под дискурсивным прессом активного продвижения советского как образца настоящего патриотизма, жертвенности и социального служения, с другой — испытывает определенные сложности с его интерпретацией, связанные с межпоколенными разрывами. Их преодоление стало возможным в начале второго десятилетия XXI в., когда родители и дети по-разному, но вместе стали отстаивать свои гражданские права и достоинство в ходе протестных акций, однако сложно предвидеть, какие сюжеты и факты окажутся вписаны в историческую память новых поколений (Омельченко, Андреева 2017: 154).

В исследовании Д. Рогозина показано, что старшее поколение, с которым обычно связываются ключевые характеристики советского, во многом не соответствует тиражируемым СМИ стереотипам как о людях угнетенных и несущих на себе груз и проблемы ушедшей эпохи. Пожилые

люди обладают большим потенциалом к обучению, способны эффективно распоряжаться собой и своим временем и, главное, обладают ценным жизненным опытом. Как минимум треть из них не только позитивно смотрит на мир, но и готова участвовать в его обновлении, еще треть при общих позитивных оценках не видит особой необходимости в новых навыках, так как их умения еще востребованы рынком (Рогозин 2012: 81–83).

В. Радаев выдвинул концепцию «поколенческого раскола», которая акцентирует внимание на социальном переломе 2000-х годов. В условиях относительного благополучия появилось множество возможностей выбора образа жизни, что создало психологическую проблему — постоянную фрустрацию вследствие страха ошибки. В этом случае сложно найти некоторые общие темы с представителями старшего возраста, уверенными в верности избранного жизненного пути и значимости государственных решений при оценке собственного благополучия (неблагополучия). Ситуация приводит к межпоколенческому расколу, параллельному существованию, когда у представителей различных возрастных когорт нет общих тем для разговора (Радаев 2019: 28).

Более поздние исследования показывают раскол между ранними миллениалами и миллениалами «3 С» (спад экономики, появление смартфонов, использование социальных сетей), вступившими в период взросления после 2008 г. Последние более образованны, реже употребляют алкоголь и наркотики, менее религиозны, более оптимистичны, но откладывают те решения, которые ассоциируются со взрослой жизнью (брак, беременность, рождение детей, выход на рынок труда (Радаев 2020: 56).

Напротив, К. Пипия по результатам анализа опросов, проведенных «Левада-Центром» в 2001–2018 гг., делает вывод о том, что в настоящий момент нельзя говорить о поколенческом разрыве применительно к историко-символической сфере общественных умонастроений. Символические ориентиры, сконцентрированные вокруг победы в Великой Отечественной войне, задает старейшее поколение, поколение зстоя (здесь границей служат 1944–1968 гг. рождения), последующие поколения не выработали своего ценностного поля. Если и стоит говорить о различиях, то эти различия являются результатом потребительских практик, а не особого понимания истории и своего места в историческом процессе. Формирования собственной энтелехии, понимаемой как реализация внутреннего потенциала поколения, не произошло, что означает продолжение дискуссии по использованию этого понятия применительно к возрастной группе, не имеющей своего «духа времени» (Пипия 2019: 74).

Тестирование, анкетирование и групповое интервью: опыт совмещения методик

Наше исследование представляет собой совмещение количественного (анкетирование участников фокус-группы) и качественного (групповое интервью) методов. Анкета включает тест «Большая пятерка» (*Big five*), неоконченные предложения и социально-демографических данные участников. Цель исследования — на основе сравнительного анализа проследить динамику образов семьи, работы и дружбы у представителей советского и постсоветского поколений. Дизайн работы задан теоретическими положениями Р. Коллинза, в свою очередь опирающегося на ключевые идеи, принципы анализа и положения Э. Дюркгейма и И. Гофмана, которые дают возможность совмещения двух уровней анализа: микромира ситуаций и макромира социальных структур. Формирование собственного мировоззрения поколения происходит в ежедневных микроситуациях, здесь и сейчас, и повседневных взаимодействиях. Р. Коллинз обозначил эти взаимодействия понятием «интерактивный ритуал», что означает физическое присутствие людей в определенном месте, регулярное выполнение согласованных ритмичных действий (телодвижения, пение или банальные аплодисменты) и концентрирование внимания на значимом сакральном символическом объекте, выражающем основную идею группы (эмблема). Именно участие в групповых ритуалах наделяет индивида эмоциональной энергией, здесь формируются идентичности и моральные нормы. Выйдя из ритуала, индивид через интериоризацию остается приобщенным к сакральному миру и действует на основе групповых принципов (Коллинз 2004: 29).

Историческая динамика сакрального проходит эволюцию от религиозного (где Бог выступает определяющим символом общества) к политизированному (где главной машиной производства солидарности являются ритуалы групп, сконцентрированных на политических идеалах) и в современном мире — к ритуалам взаимодействия (понятие, введенное И. Гофманом), где сакральным выступает индивидуальное Я. Последнее означает совокупность идей относительно себя (самоимидж), которых придерживается индивид и которые другие разделяют с ним в ситуации общения, что обычно считается вежливостью (Collins 2004: 19). Интерактивные ритуалы выступают преобразователями эмоций: в ходе них одни эмоции, взятые в качестве ингредиентов, превращаются в другие эмоции в качестве результатов. Социальная структура рассматривается как непрерывная цепь взаимодействий, в ходе которых происходит разделение людей по их эмоциональной энергии. Индивиды ищут эмоциональную

энергию и символы, которые дают наибольшие возможности для ее получения, выбирая для этого различные социальные сети (Collins 2004: 373).

Если интерпретации смыслов (сакральный, политический) и содержание понятий семьи, дружбы и работы будут существенно различаться у представителей советских и постсоветских поколений, то можно предположить существование раскола между поколениями (гипотеза В. Радаева), если нет, то речь идет о стилистических особенностях, вызванных изменениями в культуре потребления и образе жизни (гипотезы Ю. Левады, К. Пипии).

В проводимом нами исследовании определяющим при формировании групп был возраст. Мы сосредоточили внимание на представителях молодого переходного поколения годов рождения, близких к началу XXI в. В поколенческом подходе эту группу обозначают как поколение зумеров. Старшие участники опроса, преимущественно 1960–1970-х годов рождения, относятся к поколениям бумеров и X. Выбор методов был определен исходя из того, что строгая тестовая методика позволяет выявить наличие значимых различий в социально-психологических характеристиках участников, метод неоконченных предложений должен показать значимые расхождения в интерпретации основных проблем, а групповое интервью — выявить согласованность и расхождения в аргументации и переживаниях при непосредственном обсуждении затрагиваемых тем.

В исследовании использовался пятифакторный опросник личности («Большая пятерка», разработчики Р. Маккрае, П. Коста), который не только позволяет выявить количественные показатели индивидуальных характеристик участников опроса, но и дает возможность сравнивать их с данными других исследований. Интерпретация, предложенная А. Б. Хромовым, построена на подходе японского ученого Хийджиро Тсуйи. Разработчики опросника рассматривают личность как некую иерархическую структуру, в основании которой лежат многочисленные связанные между собой поведенческие проявления. В этом подходе выделяются пять фундаментальных черт, универсальных факторов, составляющих структуру личности человека: невротизм (neuroticism, N), экстраверсия (extraversion, E), открытость опыту (openness to experience, O), согласие (agreeableness, A) и сознательность (conscientiousness, C). Экстраверсия (extraversion) — социальная активность, дружелюбие и энтузиазм. Уживчивость и сотрудничество — это способность взаимодействовать с другими людьми, готовность идти на компромиссы, проявлять отзывчивость к просьбам и отходить от обид. На противоположном конце шкалы — игнорирование чужих интересов и соперничество. Добросовестность и сознательность — волевая регуляция поведения, умение подавлять моментные

импульсы, самодисциплина и самоконтроль, аккуратность, долг. Противоположный полюс представлен стремлением «плыть по течению жизни», безответственностью и беспечностью. Невротизм — склонность к тревоге, депрессиям, раздражительности и мнительности, общая негативная эмоциональность. Открытость опыту — игривость, интерес и готовность к восприятию нового, фантазия и креативность, на противоположном полюсе — практичность как соответствие реальности, консерватизм, ригидность.

Далее участники группы должны были закончить предложения: «Когда я слышу слово работа, я обычно думаю...», «Мои друзья...», «Сейчас понятие семья чаще всего означает...» — и отметить свои демографические (пол, год рождения) и социальные (семейное, финансовое положение и образование) характеристики. После этого начиналось групповое интервью, которое позволило наблюдать и фиксировать субъективную значимость обсуждаемых проблем, реакции на высказывания других участников и оценки модератором применяемой аргументации. Через стимулирование высказываний мы стремились добиться у участников фокус-группы понимания проблемы, о которой они не думали раньше. На обсуждение были вынесены следующие вопросы.

Представьте, что вам кто-то говорит, что нашел работу мечты. Вы считаете это правдой? Есть ли она на самом деле? Что в ней главное? Где оно, место работы мечты? На что вы готовы пойти, чтобы ее получить? Была ли у вас в молодости работа мечты?

«Если друг оказался вдруг» — эта фраза сегодня имеет смысл? Каковы составляющие дружбы? Значимы ли отношения дружбы сегодня? Чем друг отличается от френда, товарища, сокурсника? Можете ли вы привести примеры настоящей дружбы? Зачем нужен друг?

Что такое хорошая семья? Входят ли, по-вашему, в семью бабушка, дедушка и широкий круг родственников? Несут ли члены семьи ответственность друг за друга? Как, по-вашему, решаются вопросы с деньгами в хорошей семье?

После обсуждения трех значимых тем (семья, друзья, работа) каждый участник должен был подвести личный итог: что для него было значимым, что узнал нового, что считает неважным.

В ходе работы фокус-группы каждый вопрос обсуждался 15–20 минут. Анализ результатов групповой дискуссии проводился двумя методами: во-первых, через сопоставление и анализ высказываний по темам, поиск сходства и различий в интерпретации темы участниками одной группы и участниками разных поколений; во-вторых, выборочным анализом дискуссии на принципах «обоснованной теории» (Страусс, Корбин 2001).

Главный аналитический процесс заключается в открытом кодировании, т. е. разбивке полученных данных на части с последующим выявлением сходства и различий в каждом случае. Подобные события маркируют и группируют, чтобы сформировать категории. Устанавливают связи субкатегорий и категорий. Итогом процедур является избрание центральной категории и связывание всех важных категорий друг с другом.

Общее число участников исследования — 102 человека (95 анкет), распределенных в восемь групп по 5–19 человек. Пять молодежных групп (75 человек) формировались из студентов трех вузов Новосибирска, активистов общественных организаций и студентов колледжа. Три старшие группы (27 человек) состояли из городских общественников и школьных учителей Новосибирска. Принцип гетерогенности (по полу и социальному статусу) в большей степени соблюден в молодых группах, в меньшей — в старших, что мы учитывали при интерпретации результатов. Влияние профессиональных стандартов и норм в учительской среде безусловно присутствовало, тем не менее по некоторым проблемам велась предельно вежливая и корректная дискуссия между представителями молодого и старшего поколений, что представляет интерес для перспективных исследований.

«Мне кажется, сейчас выросло поколение, которое никогда не работало так, чтобы вспотеть»

Из всего массива данных выберем и сравним между собой контрастные варианты участников фокус-групп по критериям возраста и социального статуса. Здесь наиболее интересно сопоставить результаты ответов советского и постсоветского поколений, молодых и возрастных общественников, студентов НГУ и одного из новосибирских колледжей. Последнее сравнение необходимо для того, чтобы иметь возможность выявить различия внутри одного поколения.

Итак, 27 анкет из 95 — это анкеты старшего поколения. Среди ответивших восемь мужчин и 19 женщин 1940–1982 годов рождения, 15 состоят в браке. Двое со средним специальным образованием, остальные — с высшим. Большинство характеризует свое финансовое положение как среднее, шесть ответов — «можно лучше», «будет лучше». Ответы, которые касаются работы (дополнение неоконченных предложений), можно разделить на несколько групп. Работу как источник радости («это здорово», «счастье») отметили трое. Труд как тяжелый и необходимый долг («завтра вставать в семь», «необходимость», «опять») охарактеризовали восемь человек. Для остальных ежедневное включение в трудовую процесс — это выполнение плана или распорядка. О материальной состав-

ляющей есть только один ответ («Работа все-таки должна быть любимой, но не всегда она оплачивается достойно»). Дружба практически всеми описывается через категории времени, помощи и поддержки («Внимательные, доброжелательные, в трудную минуту жизни всегда придут на помощь», «испытаны временем, на них можно положиться»). Описывая современную семью, респонденты немногословны, связывают с ней традиции и брак («В моем понимании семья — это традиции, дети, муж жена, бабушки/дедушки, праздники, традиции, поддержка любовь, надежность. У человека, выросшего в такой семье, такое же представление»).

Среди 72 молодых респондентов — 49 девушек и 22 юноши, один ответ — КВИР. Участники дискуссии 1987–2005 годов рождения, большинство отмечают свой статус как «холост» (один ответ «женат», три — «замужем», один — «в разводе», пять — «в отношениях», «есть парень», «есть девушка»). Финансовое положение оценивается преимущественно как хорошее практически во всех группах, хотя многие отмечают зависимость от родителей, в ответах часто используются характеристики «выше среднего», «достойное», «хватает», есть несколько ироничных ответов («печальное» и «нищоброд»). Все студенты вузов отмечают свое образование как неоконченное высшее, студенты колледжа — как среднее.

Ответы респондентов расположены в воображаемом континууме между полюсами «успех, вознаграждение и удовольствие» («Об успехе и самореализации себя как личности. Работа — это место развития, саморазвития, точка роста») и обыденной рутины и повседневного ужаса («О рутинной работе в офисе, на которую нужно вставать в семь утра и с которой возвращаться поздно вечером выжатый и уставший. И каждый день крутиться как белка в колесе за мизерную зарплату. Тот тип работы, куда я никогда не пойду»), причем голоса распределяются равномерно во всех группах. Дружья характеризуются словами «лучшие», «отличные», «надежные» («Самые лучшие, помогут, выслушают, дадут совет, поднимут настроение, поддержат, будут с тобой на одной волне и согласятся на любую авантюру»). Здесь преобладают эмоциональные характеристики, обозначаемые либо словами («веселые»), либо восклицательными знаками. Негативных ответов о дружбе два. Семья также характеризуется достаточно распространенными предложениями, преимущественно с положительными эмоционально насыщенными коннотациями («Духовный союз, где оба человека счастливы в отношениях, при желании появляются дети, с которыми выстраиваются здоровые отношения»), хотя встречаются скептические ответы («В XXI веке институт семьи деградировал, это печально»).

Сравнение результатов теста «Большая пятерка» показывает, что между советским и постсоветским поколением есть различия по шкалам

уживчивости (agreeableness) и сознательности (conscientiousness). В первом случае показатель теста непараметрического сравнения Манна-Уитни r равен 0,020, во втором — 0,007. Исследователи и авторы теста показывают в своих работах, что изменения в среднем уровне всех пяти факторов происходят в период примерно от 18–20 до 30 лет. Невротизм, экстраверсия и открытость опыту снижаются, а уживчивость и добросовестность растут. После 30 лет наблюдаются те же тенденции, но в гораздо более медленном темпе (McCrae, Costa 2003). Полученный результат не дает нам новой информации о поколениях и подтверждает выявленные ранее закономерности: неконформизм и конфликтность с возрастом уменьшаются, а способность управлять своим поведением и концентрировать внимание на цели растёт.

Следующим шагом анализа стало сравнение результатов двух близких по интересам, но контрастных по возрасту групп. Первая группа состояла из взрослых активистов (шесть женщин и пять мужчин), вторая — из молодых общественников (восемь девушек и пять юношей). Обе группы формировались на близких принципах отбора (главным критерием выступала социальная активность и включенность в систему библиотечных мероприятий), фокус-группа проходила по одному и тому же сценарию.

В первой группе самый старший респондент был 1957 года рождения, самый молодой — 1982 года рождения, все с высшим образованием, девять участников состоят в браке. Финансовое положение участники отмечают как «среднее», «удовлетворительное», три ответа — «хотелось бы лучше». В отношении работы письменные ответы практически всегда укладываются в категории долга и необходимости, иногда подчеркивается, «что работа все-таки должна быть любимой, но не всегда она оплачивается достойно». Именно в этой группе характерно определение дружбы через испытание временем, а определение семьи как традиции.

Участники второй группы преимущественно 1990–2000 годов рождения, самый старший 1987 года рождения, самый младший 2002 года рождения, большинство с высшим образованием, четверо женаты и замужем, две трети ответов о финансовом положении — «среднее», «стабильное». Ответы о работе (дополнение неоконченных предложений) скорее указывают на неудовлетворенность и напряжение («обязанности, ответственность, начальник, подчиненный», «с раздражением и грустью, потому что рынок труда не ахти», «работа есть работа, и она должна быть выполнена»), ответ, который можно интерпретировать как позитивный («радуюсь новым планам»), один. Дружба оценивается в категориях доверия и надежности, семья — как опора (от «вынужденного союза экономических

субъектов» — молодой человек, не женат — до «места силы, вдохновения, самореализации надежности» — молодая женщина, в разводе). Сравнение этих результатов с итогами теста «Большая пятерка» ($\chi^2(1, 23)=0.006$, $p=0.94$) не выявило статистически значимых различий между группами.

Наш анализ был бы неполным без сравнения социально контрастных групп молодых людей. В первом случае это студенты одного из гуманитарных факультетов НГУ (семь юношей и семь девушек, один ответ дополнен КВИР), поступивших в вуз в результате серьезного отбора по результатам ЕГЭ, во втором — учащиеся колледжа (16 девушек и трое юношей, получающих среднее профессиональное образование).

Респонденты из первой группы 2001 года рождения, преимущественно не женаты (показателен диапазон характеристик — «холост», «без пары», «в отношениях», «свободна»). Разброс в оценках финансового положения (от «достойное для своего (19 лет) возраста» до «печальное»). В этой группе большая часть ответов носит развернутый и подчеркнуто индивидуальный характер. О работе практически нет одинаковых письменных суждений, диапазон их достаточно широк («Что угодно. У меня нет четкой ассоциации с этим словом. Работа бывает очень разная. Презираю неподходяще выбранную работу, такая буквально душит. Подходящую обожаю»; «творчество, коллектив, дисциплина, целеустремленность, успех, достижения, сложности, взлеты и падения»; «фигово»). В целом ответы показывают важность личной и эмоциональной составляющей при выборе. В отношении дружбы подчеркивается близость и многочисленность друзей, осознанность при их выборе («Самые близкие для меня люди и родственные по духу, с которыми можно быть настоящей, которым я доверяю, как себе. Я очень тщательно выбираю друга»).

Семья интерпретируется с трех позиций: как социальное явление («устойчивая ячейка, обеспечивающая здоровье, психику ее участников / общества в целом»), как что-то вызывающее опасения («пустое место, так как у человека произошла переоценка ценностей, которая, как мы видим, с каждым годом все губительнее сказывается на нашем обществе и на межличностных отношениях») и как эмоциональное состояние («забота, нежность, последнее пристанище»).

Учащиеся колледжа моложе (в основном 2005 года рождения), они дают более однозначные ответы. Здесь больше всего пропусков в ответах на вопрос о финансовом положении, имеющиеся ответы равномерно распределены в диапазоне от «нищоброд» до «в достатке», образование большинство просто отмечают как среднее («мое образование мне нравится, и моя будущая профессия»). В этой группе больше всего лаконичных ответов на вопрос о работе («деньги» с добавлениями «усердие»,

«усталость», «нужда»). Вопрос о друзьях обычно интерпретируется эмоционально в категориях оценки и привязанности («Это те люди, которым я могу довериться и все рассказать, и знаю, что они не обидят и поймут»). Семья оценивается на основе социальных и эмоциональных категорий («это родственники, живущие все вместе»; «муж, жена и кот»; «страх, ответственность»).

Сравнивая итоги групповых дискуссий, приведем только контрастные случаи: студентов НГУ и респондентов старшего возраста. Другие группы показали результаты, более сходные с результатами сверстников, чем с результатами старших участников, и выводы по их анализу в поколенческом аспекте подтверждают выявленные нами тенденции.

Обобщение итогов выступлений молодежи относительно работы мечты показывает, что их можно свести к категориям «удовольствие» и «вознаграждение». Именно эти два связанных параметра присутствуют практически во всех ответах, их разъединение (работа без удовольствия, но за деньги) воспринимается как что-то возможное, но нежелательное. Показательным является описание миллениалами опыта старшего поколения:

Они же по-другому учились, получали работу. Вуз заканчиваешь, идешь на какую-то определенную работу. Это связано с твоим образованием. У них не было такой же возможности выбирать эту работу, разобраться, что тебе интересно и какая у тебя работа мечты, скажем так. Они получали работу, работали там всю жизнь. А выбор работы мечты связан с какой-то личной рефлексией. У советского человека никакого выбора особо не было. Они ориентировались на какие-то общественные цели, может быть. Чтобы они были нужны этому обществу, работа их была нужна. А их личные мечтания отходили на второй план. Поэтому они работали на одной или нескольких работах всю жизнь. И ориентировались на это, а не на какие там свои личные мечты.

Участники дискуссий старшего возраста, хотя и подчеркивают значимость вознаграждения и социального статуса, также отмечают важность эмоционального комфорта и желания работать там, где им нравится, правда слово «удовольствие» в этом контексте практически не употребляют:

Человеком движут следующие вещи: подняться на какой-то уровень, заработать деньги. К примеру, я хочу мир во всем мире, но нужны деньги;

Работа мечты имеет несколько составляющих: первая — реализация своих талантов, самореализация в том числе, во-вторых, материальная составляющая, ну и, наверное, понимать, что ты приносишь пользу;

В детстве я очень мечтала, начитавшись книжек, стать конфетной феей. Я осуществила свою мечту, пошла в кондитерское училище, после училища пошла на фабрику, там (на фабрике) произошло крушение моей мечты. Я увидела, что это и как изнутри, мы видим конфеты красивые упакованные, но не понимаем технологический процесс. Я поработала, постояла на конвейере и так далее. На тот момент пришло осознание, что моя мечта она закончилась... пришлось перестраиваться, искать что-то другое. Был случай, я попала в педагогическую среду, поняла, что мне сюда нужно, все что связано с педагогикой. Я закончила педучилище, пединститут и понимаю, что это сфера моя. Чтобы прийти в эту сферу, мне необходимо было сначала обрушить... сейчас я уже не могу сказать, что занимаюсь тем, о чем мечтала, но мне комфортно, удобно, самое главное — интересно. Я не работала там, где неинтересно.

В целом волнения старшего поколения связаны больше с категориями «труд» и «долг». Причем твои достижения должны оцениваться кем-то, обобщенно обозначаемым как «государство», которое тебя оценивает, награждает и присваивает соответствующий статус.

Много гаджетов, много ненужной информации. Вот я говорю своим детям (две дочки 12 и 20): дети вы неправильно живете, вот нам бы столько возможностей, использовать то, что у вас есть для того, чтобы получить лишнюю пятерку. Вы знаете, что мать ваша сидела и вручную писала рефераты по литературе, потратила массу времени, у меня не было ни корректора, ни чего-то. У вас... зашел в интернет, посмотрел начало и конец, потому что все знают, что в школе этот реферат тоже никто не откроет, также посмотрят начало и конец. Сдал, получил пятерку и счастлив. Чтобы мне получить эту пятерку, мне нужно было сходить в библиотеку, потратить кучу времени, чтобы изучить эту литературу, конспектировать тот же доклад... чтобы я могла его рассказать, и только потом получить свою пятерку. Труд ребенка обесценивается;

Мне кажется, сейчас выросло поколение, которое никогда не работало так, чтобы вспометь. Вообще они этого не понимают и это плохо. Особенно мужчина, он должен. Сейчас вот ехал кондуктор —

парень. Чтобы в наше время... возможно обстоятельства такие... Мы упускаем такой момент, как социальная лестница... Сталинские времена, при Петре... Вот у меня знакомый... вообще из деревни приехал в Москву и стал на высоком уровне. Потому что его заметили, поддержали. По лестнице государство поднимает, а сейчас я не вижу такого. Мне кажется такая лестница нужна. Мне кажется, государство не должно забывать о социальных обязанностях. Это наше будущее, ты так будет и будущее будет соответствующий.

Приведенные нарративы — типичные рассказы представителей старшего поколения. В фокусе внимания — труд, его оценка, результативность и перспективность, зависящие не от собственного выбора (молодой человек кондуктором может работать по множеству самых разных причин), а от некоего «сакрального другого» — государства, которое вправе определять, кого и куда направить. Мир ироничного индивида Гофмана, собственного Я в этих и других повествованиях не просматривается.

Словом, если значение интереса и вознаграждения у обоих поколений скорее совпадают, то объемы усилий, критерии оценки и, главное, место оценивающего различаются. В первом случае определение и оценка — это скорее внутреннее состояние, зависящее от результативности усилий, во втором — внешнее, зависящее от количества пролитого пота и труда.

Отношение к дружбе у молодых участников фокус-групп связано с социально-психологическими потребностями. Взаимопомощь имеет значение как возможность восстановить некоторую внутреннюю гармонию, получить обратную связь, и если не повысить самооценку, то сделать ее более адекватной:

Думаю, сейчас в нашем современном мире слишком низкий уровень доверия. Это связано в том числе с интернетом, поэтому нам важно найти человека, которому можно доверять. В целом сегодня мало, что можно скрыть. Все наружу вылезает всегда;

И поэтому доверие, наверное, самый важный показатель, если брать в общем. Человек, кто (который) будет хранить твои секреты, ты будешь спокоен, что он никому их не расскажет.

Старшее поколение формирует образ дружбы больше в категориях и образах некоторой совместной (преимущественно мужской) деятельности, направленной на преодоление преград, подвиг и борьбу:

Сейчас дружба потребительская... Думаю, что все это заложено в природе человека, никуда ничего не исчезает, если человек, например, попадает в экстремальные условия... у него проявляются нормальные чувства, товарищество и прочее... Комфортная среда обитания для мужиков вообще губительна... Мужчина так не формируется...

Сравнение аргументации и обсуждений проблемы семьи также подчеркивает различия между характерной для старшего поколения тенденцией поддерживать внутрисемейный мир и согласие любыми средствами, воспринимать разрыв семейных отношений как маломасштабную катастрофу и возможным, пока еще декларируемым отказом от традиций в пользу личного комфорта и расширения выбора.

Считаю, что семья — это работа. Работа всех членов семьи... потому что где-то нужно проявлять лояльность. Женищина должна быть всегда круглой... в моем окружении сейчас, в 45 лет, разводятся все, почему, не знаю;

Мальчик в школе из неблагополучной семьи говорил: «Я хотел бы, чтобы можно было прийти домой, где мне было бы спокойно и где меня любили вне зависимости от того, какой я хороший или плохой» (группа взрослых).

Патриархальная семья изменится в сторону большей демократизации. Сейчас традиционная модель далека от своего полного исчезновения все-таки... Определенная дегенерация семейных институтов налицо. Их можно связать развитием научно-техническим;

Произойдет отказ от воспитания семьи в духе культуры вины христианской. Где этика индивидуалистическая. Там, где наибольшую роль играет личная ответственность, там больше процветает свобода. Большая реализация твоего таланта. Так что это великоленно;

Мне показалось, что этот нарциссизм, наше поколение очень зафиксировано на психологических проблемах. И дружба, возможно, многим нужна, для того чтобы эти психологические проблемы обсуждать. Отношения между людьми, например поколения моих бабушек, больше строились на взаимопомощи, на поступках. А сейчас поступки могут отходить на второй план. Ментальная связь, психологическая помощь. И то же самое в семье, если семья. Идеальный образ семьи, если в семье все друг друга поддерживают, решают психологические проблемы, понимают. Эта тенденция, к которой стремится современная семья (группа миллениалов).

Выводы и обсуждение результатов

Проведенное В.В. Семеновой в 2005 г. исследование поколений, построенное на возрастных саморепрезентациях, показало, что содержательное сходство советских и первого российского поколений выразалось в том, что каждое из них позиционировало свое положение как жертвы социальных процессов (жертвы войны, жертвы режима, жертвы перестройки). Это состояние жертвенности автор увязывала с архетипическими национальными чертами русского народа, отмеченными, например, в работах К. Касьяновой, где терпение, страдание, смирение — главный объект внутренней работы, без которого нет личности и нет социального уважения (Семенова 2005: 90). Итоги нашей работы показывают, что эта тенденция уходит в прошлое. Во всех молодежных группах мы не обнаружили позиционирования себя как жертвы социальных обстоятельств, как и не обнаружили каких-то межпоколенных расколов. Есть недопонимание или нежелание принимать и обсуждать другие проблемы, но эти вопросы скорее касаются уровня доверия и построения коммуникации, чем наличия взаимоисключающих ценностных оснований и непреодолимых противоречий. Поколение миллениалов действительно другое, но не чужое в социологическом смысле этого понятия. Разумеется, есть отличия, но они выступают как закономерный результат экономических, демографических, технологических процессов и смены моделей воспитания, произошедшей в 1980-е годы. Отношение к семье и дружбе в целом совпадает у советских и постсоветских поколений.

Особый интерес представляет сравнение итогов нашего тестирования с результатами исследования С. Грина и Г. Робертсона (*Big five*), проведенного в России в 2013 г. Они пришли к выводу, что ключевым эмоциональным компонентом для россиян следует считать уживчивость, обычно понимаемую как дружелюбие и отзывчивость, но в поведении проявляющуюся как умение действовать и вести себя в зависимости от ожиданий окружающих, использовать принудительный контроль фрустрации, уметь скрыть свои переживания, жить в согласии с обществом. Именно этот феномен, по мнению исследователей, лежит в основе современного авторитаризма, лояльности, согласия с предложенным властью комплексом правил (Грин, Робертсон 2021). Если действительно существует раскол между поколениями (гипотеза В. Радаева), то он должен отразиться в результатах.

Пока мы видим, что семья для молодых людей имеет серьезное значение, но, так же как и зарубежными сверстниками, не рассматривается ими как значимый элемент общественной жизни. Описание проектируе-

мой семьи идет в категориях личного выбора, эмоционального комфорта и благополучия. Мы не обнаружили в высказываниях молодых людей каких-либо признаков авторитарных и патриархальных тенденций. В этом же аспекте рассматривается дружба, хотя здесь нет единого мнения: в ходе дискуссии молодые люди высказывали прямо противоположные суждения, но это скорее результат индивидуального жизненного становления и проживания личных конфликтных ситуаций. В силу возраста и отсутствия опыта темы «работа» и «семья» молодые люди рассматривали скорее гипотетически, так как не сталкивались с ними в реальной жизни. Отметим значимость для них доверия, причем только близким, достаточно легкий вход в различные сообщества и достаточно легкий выход из них. Различия скорее касаются выбора и смысла профессиональной деятельности, и здесь удовольствие и успех, значимые для молодежи, практически не совпадают с категориями смысла жизни, труда и долга, определяющими позиции старшего поколения.

Исследование ограничено одним крупным сибирским городом и тем, что при комплектовании групп мы ориентировались прежде всего на студенческую молодежь (преимущественно нулевых годов рождения) и взрослых, так или иначе связанных с молодежными проблемами. Тем не менее выбор проблем для обсуждения, использование жестких (тестовых) и мягких (качественных) методик, сопоставление контрастных случаев дают, на наш взгляд, вполне приемлемые результаты, позволяющие предположить, что российские миллениалы и последующие поколения ориентированы на комплекс нерелигиозных и неполитических ценностей, так как в фокусе их внимания скорее внутреннее Я, чем трансцендентные, моральные или государственно значимые объекты и императивы самореализации, что в целом говорит о намечающемся поколенческом тренде, теоретически обоснованном Р. Инглхартом.

Выражение благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Сибирского института управления — филиала РАНХиГС в рамках научного проекта «Семья и дело. Образы семьи, дружбы и работы в жизненных стратегиях советских и постсоветских поколений сибирского мегаполиса».

Литература

Горшков М.К. и др. (2007) *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты*. М: Институт социологии РАН.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2010) *Молодежь России: социологический портрет*. М.: ЦСПиМ.

Грин С., Робертсон Г. (2021) *Кто здесь власть? Граждане, государство и борьба за Россию*. М.: АСТ; Corpus.

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. (2011) *Молодежь России*. М.: Московская школа политических исследований.

Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысева А. (2020) «Поколение Z»: молодежь времени путинского правления. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1–2: 21–121.

Дубин Б.В. (2009) Позднесоветское общество в социологии Юрия Левады 1970-х годов. *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 4: 100–106.

Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. (2021) Жизненные позиции молодежи: смысловые основания формирования. *Вестник Института социологии*, 12(3): 79–98.

Инглхарт Р. (2020) *Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир*. М.: Мысль.

Коллинз Р. (2004) Программа теории ритуала взаимодействия. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 7(1): 27–39.

Кон И.С. (2012) Гендер и маскулинность, сыновья и отцы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(1): 48–64.

Левада Ю. (2001) Поколения XX века: возможности исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5: 7–14.

Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В. (2017) Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений. *Социологические исследования*, 11: 147–156.

Пипия К.Д. (2019) К проблеме поколений в России (историко-символические и политические установки). *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*, 1–2: 55–74.

Радаев В. (2019) *Миллениалы. Как меняется российское общество*. М.: Издат. дом Высшей школы экономики.

Радаев В.В. (2020) Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование: в двух частях. *Социологический журнал*, 26(3): 30–63; 26(4): 31–60.

Рогозин Д.М. (2012) Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте. *Социологический журнал*, 4: 62–93.

Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. (2020) Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(3): 527–545.

Седов Л. (2000) Проблема смены политических элит: поколение «next». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3: 22–25.

Семенова В.В. (2005) Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: Новое литературное обозрение: 80–107.

Страусс А., Корбин Дж. (2001) *Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники*. М.: Эдиториал УРСС.

Твенге Д. (2020) *Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык*. М.: Бомбора.

Фонд «Петербургская политика» (2017) #ПоколениеY и #ПоколениеZ в поиске собственных мест под солнцем: обзор основных исследовательских выводов и гипотез об особенностях, ценностях и жизненных стратегиях молодежи. *Петербургская политика* [<https://fpp.spb.ru/fpp-pokolenie-xyz>] (дата обращения: 01.04.2022).

Хромов А.Б. (2000) *Пятифакторный опросник личности*. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.

Шанин Т. (2005) История поколений и поколенческая история России. *Южно-российский журнал социальных наук*, 3: 6–25.

Яницкий М.С. и др. (2019) Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты. *Сибирский психологический журнал*, 72: 194–206.

Collins K. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Howe N., Strauss W. (2000) *Millennials rising: The next great generation*. L.: Vintage.

Howe N., Strauss W. (2007) Helicopter parents in the workplace. In: *Syndicated Research Project, nGenera*: 1–16.

McCrae R.R., Costa P.T. Jr. (2003) *Personality in adulthood: A five-factor theory perspective*. 2nd ed. N.Y.: Guilford Press.

THE DYNAMICS OF IMAGES OF FAMILY, FRIENDSHIP,
AND WORK IN THE CONTEXT OF GENERATIONAL
CHANGE THEORIES (BASED ON FOCUS GROUPS
IN THE SIBERIAN METROPOLIS)

Yury Pustovoyt (pustovoyt1963@gmail.com),
Valentina Pel,
Sergey Koba

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
The Siberian Institute of Management, Novosibirsk, Russia

Citation: Pustovoyt Yu., Pel V., Koba S. (2022) Dinamika obrazov semyi, druzhby i raboty v kontekste teorii pokoleniy (po materialam fokus-grupp v sibirskom megapolise) [The dynamics of images of family, friendship, and work in the context of generational change theories (based on focus groups in the Siberian metropolis)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4): 113–139 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.4.5>

Abstract. How do the Russians born after 1982, usually referred to as Millennials in generational approaches, see their future families, friends, and professional activities? How and to what extent do their views differ from those of older age cohorts? How do their ideals and patterns of behavior compare with those identified by Western researchers among their foreign peers? This material contains a brief review of the most influential contemporary theoretical approaches to the study of younger generations and the results of comparative analysis of eight focus groups formed from representatives of Soviet and post-Soviet generations in the Siberian metropolis. The research is a combination of quantitative (focus group participants fill out a questionnaire) and qualitative (group interview) methods. The questionnaire consisted of the Big Five test, incomplete sentences, and socio-demographic data from the participants. The topics of «dream job», «true friendship», and «good family» were the focus of the discussion. The data were processed by contrast-case matching methods based on «grounded theory» principles. The results of the study show that with a sufficiently high assessment and importance in their projected future of the institutions and relationships under consideration, young people evaluate them within a different value criteria than representatives of the older generations. Thus «dream job» is least related to sacrifice and duty, friendship requires more understanding and sympathy rather than extreme trials, family — with personal choice rather than social requirements. The results suggest that Russian millennials and subsequent generations, like their Western counterparts, are rather oriented toward a set of non-religious values and the imperatives of self-actualization.

Keywords: generations, generation theory, millennials, self-actualization values, family, friendship, work.

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Siberian Institute of Management, a branch of the RANEP, within the framework of the research project “Family and business. Images of family, friendship and work in the life strategies of the Soviet and post-Soviet generations of the Siberian metropolis”.

References

- Kon I.S. (2012) Gender i maskulinnost', synov'ya i ottsy [Gender and masculinity, sons and fathers]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(1): 48–64 (in Russian).
- Collins K. (2004) *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collins (2004) Programma teorii rituala vzaimodeystviya [Interaction Ritual Theory Program]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 7(1): 27–39.
- Dubin B.V. (2009) Pozdnesovetskoye obshchestvo v sotsiologii Yuriya Levady 1970-kh godov [Late Soviet society in the sociology of Yuri Levada in the 1970s]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions], 4: 100–106 (in Russian).
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret* [Youth of Russia: a sociological portrait]. Moscow: Institut Sotsiologii (in Russian).
- Gorshkov M.K. et al. (2007) *Molodezh' novoy Rossii: obraz zhizni i tsennostnyye priorityety* [Youth of New Russia: Lifestyle and Value Priorities]. Moscow: TSSPiM (in Russian).
- Green S, Robertson G. (2021) *Kto zdes' vlast'? Grazhdane, gosudarstvo i bor'ba za Rossiyu* [Who is the power here? Citizens, the state and the struggle for Russia] Moscow: AST; Corpus (in Russian).
- Gudkov L.D., Dubin B.V., Zorkaya N.A. (2011) *Molodezh' Rossii* [Youth of Russia]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy (in Russian).
- Gudkov L. et al. (2020) «Pokolenie Z»: Molodezh' vremeni putinskogo pravleniya [Generation Z: The Youth of Putin's Reign]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions], 1–2: 21–121 (in Russian).
- Howe N., Strauss W. (2000) *Millennials rising: The next great generation*. Vintage.
- Howe N., Strauss W. (2007) Helicopter parents in the workplace. *Syndicated Research Project, nGenera*: 1–16.
- Inglehart R. (2020) *Kul'turnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How People's Motivations are Changing and How this is Changing the World]. Moscow: Mysl' (in Russian).
- Khromov A.B (2000) *Pyatifaktorniy oprosnik lichnosti* [Five-factor personality questionnaire]. Kurgan: Kurgan State University (in Russian).
- McCrae R.R., Costa P.T. Jr. (2003) *Personality in adulthood: A five-factor theory perspective*. 2nd ed. New York: Guilford Press.
- Levada Yu. (2001) Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the 20th century: research opportunities]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*:

ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change], 5: 7–14 (in Russian).

Omelchenko E.L., Andreeva Yu.V. (2017) Chto ostayetsya v semeynoy istorii: pamyat' o sovetskom skvoz' razgovor trekh pokoleniy [What remains in family history: the memory of the Soviet through the conversation of three generations]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research.], 11: 147–156 (in Russian).

Pipia K.D. (2019) K probleme pokoleniy v Rossii (istoriko-simvolicheskiye i politicheskiye ustanovki) [On the problem of generations in Russia (historical, symbolic and political attitudes)]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannyye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussions], 1–2: 55–74 (in Russian).

Radaev V.V. (2020) Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoye i empiricheskoye obosnovaniye: v dvukh chastyakh [The split of the millennial generation: historical and empirical justification: in two parts]. *Sotsiologicheskyy zhurnal* [Sociological journal], 26(3): 30–63; 26(4): 31–60 (in Russian).

Radaev V. (2019) *Millenialy. Kak menjaetsja rossijskoe obshchestvo* [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow: HSE (in Russian).

Rogozin D.M. (2012) Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorov'ye v starshem vozraste [Liberalization of aging, or work, knowledge and health in older age]. *Sotsiologicheskyy zhurnal* [Sociological journal], 4: 62–93 (in Russian).

Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. (2020) Transformatsiya obraza zhelayemoy modeli sem'i u raznykh pokoleniy: rezul'taty vsrossijskogo sotsiologicheskogo issledovaniya [Transformation of the image of the desired family model in different generations: results of an all-Russian sociological study]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 20(3): 527–545 (in Russian).

Sedov L. (2000) Problema smeny politicheskikh elit: pokoleniye «next» [The problem of changing political elites: the next generation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 3: 22–25 (in Russian).

Shanin T. (2005) Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya Rossii [History of Generations and Generational History of Russia]. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [Southern Russian Journal of Social Sciences], 3: 6–25 (in Russian).

Semenova V.V. (2005) Sovremennyye koncepcii i empiricheskie podhody k ponyatiyu «pokolenie» v sociologii. [Modern Concepts and Empirical Approaches to the Concept of Generation in Sociology]. In: *Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Contemporary Russia]. Moscow: 80–107 (in Russian).

St. Petersburg Policy Foundation (2017) *Pokolenie Y i pokolenie Z v poiske sobstvennykh mest pod solncem* [Generation Y and Generation Z in Search of Their Own Places in the Sun] <https://fpp.spb.ru/fpp-pokolenie-xyz> (accessed 10.12.2021) (in Russian).

Strauss A., Corbin J. (2001) *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, procedury i tehniki* [Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques]. Moscow: Editorial URSS (in Russian).

Tvenge J.M. (2020) *Pokolenie selfi. Kto takie millenialy i kak nayti s nimi obshchiy yazyk* [The Selfie Generation. Who Millennials are and how to find common ground with them]. Moscow: Bombora (in Russian).

Yanitskiy M.S. et al. (2019) Sistema cennostnykh orientacij «pokoleniya Z»: social'nye, kul'turnye i demograficheskie determinanty [The System of Value Orientations of Generation Z Social, Cultural and Demographic Determinants]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 72: 194–206 (in Russian).

Zubok Yu. A. et al. (2021) Zhiznennyye pozitsii molodezhi: smyslovyye osnovaniya formirovaniya [Life positions of youth: meaningful foundations of formation]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 12(3): 79–98 (in Russian).